
Д. Н. АЛЬШИЦ

...И свеча не погасла!
К вопросу о масштабе и значении
научного подвига Д. С. Лихачева
в историко-культурной жизни эпохи

Да, именно — «к вопросу». Так как поставить такой вопрос, говоря о Д. С. Лихачеве, пора и необходимо, а исчерпать его в краткой статье невозможно. Следует сразу же оговорить: речь о личном вкладе Д. С. Лихачева в науку здесь не пойдет. Это другая тема. И тоже неисчерпаемая. Не будет здесь рассматриваться и такая главная научная и общекультурная заслуга Д. С. Лихачева, какой является возглавляемая им и достигшая полного успеха титаническая работа по воскрешению для наших современников и потомков древнерусской литературы. Благодаря усилиям его самого и возглавляемой им большой когорты ученых, древнерусская литература всплыла из тьмы веков на поверхность современной культурной жизни во всей своей красе, во всем своем величии. Об этом уже пишут и будут писать.

Мне представляется весьма важным сказать о той исключительной роли, которую сыграл Д. С. Лихачев в спасении традиционно славившихся научных школ изучения многовековой истории России допетровского периода. По существу это означало сохранение научной традиции изучения истории России в целом, поскольку методология исследования и публикации исторических источников, сложившаяся в науке о древней истории, накладывала отпечаток, можно сказать, определяла и помогала удерживать научный уровень изучения отечественной истории всех ее периодов в целом.

Было время, когда жизнь исторической науки, посвященной дореволюционной истории России вообще, а древнерусской истории в особенности, могла превратиться, а отчасти и стала превращаться, в жалкое прозябание, в «ненужное» и даже «вредное» занятие, со всеми вытекающими из такого подхода последствиями. На моей памяти наиболее острый в этом отношении момент — конец 30-х гг. Я учился тогда на историческом факультете Ленинградского университета. Время, как известно, было грозное. В январе 1938 г. на глазах у сотен студентов истфака, среди бела дня, группа сотрудников ежовского НКВД с наганами в руках арестовала и увела заместителя декана Черницкого. Вскоре стало известно, что он расстрелян. Один за другим стали исчезать «оказавшиеся врагами народа» профессора, преподаватели и даже студенты. Чуть ли не ежедневно то одного, то другого студента шумно исключали из комсомола («за связь с врагами народа» — собственным опцом, другом или учителем...

На фоне массовых репрессий уже тогда официозные историки начали разворачивать борьбу против «ухода в прошлое», против занятий «неакту-

альными» темами и проблемами. В газете «Ленинградский университет» 1939 г. появилась статья «Защитим источник от источниковеда». Ее автор издевался над «архивными червями» — профессорами и студентами, копающимися в древности вместо того, чтобы заниматься животрепещущими проблемами современности — историей партии, коллективизацией и т. п. По истфаку, гремя палкой, шагал известный в те времена официальный историк СССР профессор Корнатовский, который запрещал студентам задавать ему вопросы, касающиеся досоветской истории. Выдавая свое невежество за доблесть, он даже хвалился тем, что не знает и не желает знать историю России до реформ 1861 г. В действительности он наверняка мало что знал из того, что происходило до 1905, а то и до 1917 г. Соответственно, он презирал своих коллег-историков, которые занимаются более ранней, т е уже «феодальной» и «буржуазной», историей.

Вполне понятно, что этот бдительный страж партийной чистоты исторической жизни выражал общепартийные, а значит, общегосударственные подходы к исторической науке. До прямого запрета изучать, издавать статьи и книги по истории Древней Руси ни тогда, ни позже, правда, не доходило. «Допартийная» история была для казенных идеологических служб чем-то вроде сундука, где на всякий случай сохранялись старые одежды. Иногда некоторые из них вытаскивали на свет Божий. То вдруг понадобится посох Ивана Грозного, то дубинка Петра Великого, то шпага Суворова, то мундир Пестеля... Но в принципе занятия собственно историей — изучение более или менее отдаленных времен — клеймили как «уход в прошлое», как отказ от актуальных, полезных нашему обществу тем. При этом казенных идеологов не смущало, что такое обвинение в адрес истории звучит так же абсурдно, как, скажем, упрек водолазам за «уход» в глубины вод.

Был в этой абсурдной ситуации и положительный момент. Занятия ранними периодами истории не сулили будущему специалисту никаких радужных перспектив. Печатать свои будущие труды ему — молодому ученому — будет негде. Прием в аспирантуру по данным разделам истории ограничен предельно. Устройство на работу по специальности будет тем более сложно. Именно поэтому на специализации, связанные с «неактуальной», древней тематикой, в порядке естественного отбора шли только те, для кого занятия древнерусской историей были чистым и сильным увлечением. И более того. Занятия древностью требовали изучения целого ряда вспомогательных наук — палеографии, сфрагистики, текстологии, археографии и, наконец, изучения древнерусского языка. Тот, кто выбирал «актуальную» специализацию — историю партии, революции, индустриализации, коллективизации и т. п., был от всего этого освобожден. В результате ряды историков — специалистов по древнерусской истории — пополнялись, как правило, людьми, готовыми к серьезному кропотливому труду.

Моему поколению древников было у кого поучиться. В Ленинграде в 30-е гг. и позже работали такие выдающиеся ученые-историки, как М. Д. Приселков, С. Н. Валк, Б. А. Романов. В Москве — С. Б. Веселовский, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, А. Н. Насонов, С. В. Бахрушин. Под их руководством выросла целая плеяда историков Древней Руси — ныне хорошо известных ученых, достойно продолживших дело своих учителей и вписавших яркую страницу в историографию отечественной истории. В С.-Петербурге это В. Т. Пашуто, М. И. Белов, А. И. Копанев, Н. А. Казакова, Я. С. Лурье, Н. Н. Масленикова, Р. Г. Скрынников, А. Г. Мазьков, И. П. Шаскольский, Ю. Г. Алексеев, Н. А. Дворецкая, В. М. Панеях. В Москве — Н. Н. Покровский, С. О. Шмидт, В. И. Буганов, В. Б. Кобрин, В. Л. Янин, В. И. Корепкий, А. А. Зимин. Всех и не

перечислишь. Каждый из них — автор значительных научных открытий, многих тонких и точных исследований по отдельным темам. Спектр их научных интересов очень широк и разнообразен. Все они историки разные и, как было сказано, ученики разных учителей. Но при этом — случай в истории науки уникальный — есть у них у всех и одна общая школа, и один общий учитель. Эта школа — отдел древнерусской литературы Института русской литературы РАН, а этот учитель — многолетний руководитель отдела (с 1954 г. и поныне) — Дмитрий Сергеевич Лихачев. Да, в те годы историку-«феодалу» почти некуда было приткнуться. Опубликовать книгу и даже статью, посвященную ранним периодам истории, было крайне трудно. Редакции даже исторических журналов, как правило, отказывались публиковать работы на «неактуальные» темы. В этих условиях «свеча» древнерусского раздела отечественной исторической науки слабо мерцала и могла вовсе погаснуть под прессом казенной «актуальной» науки.

Но судьбе было угодно распорядиться иначе. В те самые годы сначала медленно, а потом стремительно, словно ракета, взмывающая ввысь из морской глубины, поднимался и набирал высоту авторитет Д. С. Лихачева как ученого всесоюзного и мирового значения. В этом смысле простой перечень дат его жизни и деятельности производит поразительное впечатление.¹ Он член редколлегий многих отечественных и иностранных научных изданий, член многих отечественных и зарубежных ученых советов, почетный доктор, член-корреспондент и действительный член ряда самых известных в мире университетов и академий, лауреат высоких премий, кавалер многих орденов... И тут сравнение с ракетой, совершающей свой полет в одиночку, уже не годится. Д. С. Лихачев всегда и постоянно использовал все свои возможности, весь свой авторитет, все свое влияние на поддержку и на помощь своим ученикам, своим коллегам... Наверяд ли он сам сможет упомянуть всех, кого он поддержал и в научной работе, и в практических делах. Это черта деятельности Д. С. Лихачева общеизвестна. Я же хочу здесь подчеркнуть то, что именно он в тяжелые для историков-«феодалов» времена протянул им руку спасительной помощи и поддержки. Их статьи и книги стали постоянно печататься в изданиях, которыми руководил или в редакциях которых состоял Д. С. Лихачев. Прежде всего, в продолжающемся капитальном научном издании — «Труды Отдела древнерусской литературы» Института русской литературы АН СССР (ныне РАН).

Я уже назвал имена наиболее крупных ученых-историков моего поколения, ставших известными не в малой степени благодаря помощи и поддержке Д. С. Лихачева.

При этом нельзя не сказать, что участие каждого из нас в работе Отдела древнерусской литературы и сама публикация наших работ в «Трудах» была и замечательной школой текстологии. Требования к докладам на заседаниях Отдела и к публикациям всегда были предельно высоки.

Постоянно печатались в «Трудах» и работы историков старшего поколения — наших учителей — С. Н. Валка, Л. В. Черепнина, М. К. Каргера, К. В. Кудряшова, В. Г. Геймана, В. В. Мавродина, А. Н. Насонова, М. Н. Тихомирова и мн. др. Но не только в печатании трудов историков сказалась столь своевременная и необходимая помощь Д. С. Лихачева исторической науке. Назову хотя бы некоторые наиболее масштабные его усилия в этом направлении.

¹ Дмитрий Сергеевич Лихачев / Вступ статья В. П. Адриановой-Перетц и М. А. Салминой: Библиография составлена М. А. Салминой и Г. Н. Финишиной 3-е изд., доп. // Материалы к библиографии ученых СССР Сер. литературы и языка М., 1989 Вып. 17

Д. С. Лихачев во многих случаях сам организовал, в других поддержал экспедиции по разысканию и собиранию в различных районах страны исторических источников — старинных рукописных книг. Всем хорошо известна героическая работа знаменитого собирателя древнерусских книг В. И. Мальшева. Не менее важно напомнить о поддержке Д. С. Лихачевым того, что он сам позднее назвал археографическим открытием Сибири. Речь идет о многолетнем и героическом труде историка (ныне академика РАН) Н. Н. Покровского и его коллег, о собирании ими на огромных сибирских пространствах древнерусских рукописных книг. Это дела хорошо известные. Но пока мало кому известна и мало кем оценена еще одна огромной важности история спасения бесценного фонда исторических и культурных ценностей.

Д. С. Лихачев сыграл исключительную роль в спасении от гибели крупнейшего в мире собрания русских рукописей и вообще неоценимого хранилища мировых рукописных сокровищ — Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне РНБ — Российская национальная библиотека). Сегодняшний читатель знает, какую боль и какой резонанс во всем мире вызывают хищения отдельных рукописей из этого хранилища. Таким образом он может себе представить в какой-то степени (полностью это невозможно себе представить, как невозможно представить себе бесконечность), каков был бы масштаб того ущерба русской и мировой науке, русской и мировой культуре, к которому привела бы ликвидация Отдела рукописей целиком как такового. Но именно такое преступление, способное затмить подвиг Герострата, практически подготовили в 1962 г. тогдашняя дирекция Публичной библиотеки и Министерство культуры. В целях освобождения, опять же под «актуальные книжные фонды», нескольких залов было решено вывезти и сдать в разные архивы МВД все фонды Отдела рукописей. Если бы это дикое намерение осуществилось, его последствия оказались бы катастрофическими. Все шифры, все ссылки на рукописи Публичной библиотеки во всех книгах и статьях, опубликованных за полторы сотни лет во всем мире, разом стали бы недействительными. Доступ ученых и читателей к рукописям прекратился бы полностью. И не только из-за специфического режима архивов МВД. Но уже из-за того, что на их новую расстановку, шифровку, каталогизацию потребовались бы десятилетия. Если бы вообще этим стали заниматься. На это потребовались бы многочисленные специалисты, в том числе десятки знающих различные языки народов мира...

Мы, тогдашние сотрудники Отдела, организовали сопротивление страшному замыслу своего начальства. Кстати сказать, у меня (поскольку случилось так, что во главе этого движения сотрудников Отдела оказался я) сохранились подлинники и копии документов этой страшной эпопеи. Первым, к кому мы кинулись с просьбой о помощи, был Д. С. Лихачев. Он мгновенно оценил ситуацию и «поднял по тревоге» многих академиков и выдающихся ученых Ленинграда и Москвы. Думаю, что без его энергичной и мощной помощи нам не удалось бы остановить надвигающуюся на русскую и мировую культуру беду.

Нет возможности даже перечислить все то, что сделал Д. С. Лихачев для историков и для исторической науки. Но можно с полным основанием сказать, что в значительной степени благодаря ему «свеча» изучения истории России древнего периода, зажженная нашими великими предшественниками — Н. М. Карамзиным, С. М. Соловьевым, В. О. Ключевским, С. Ф. Платоновым, не погасла на колючих ветрах казенных идеологических бурь.

Поэтому с большим, чем у кого бы то ни было правом и пониманием, Дмитрий Сергеевич мог от души хохотать на тех сатирических представлениях, в которых высмеивались последователи щедринского губернатора, мечтавшего, чтобы «история прекратила течение свое».

Хорошо помню его сидящим рядом с Николаем Павловичем Акимовым в первом ряду битком набитого лектория исторического факультета на юбилейных «капустниках» в мае 1959—1964 гг. (25 и 30 лет истфака). В обоих случаях на сцене появлялся персонаж — журнал «Вопросы истории» в образе нищего, просящего подавания. На хорошо известной обложке журнала, подвешенной к шее нищего, в обычное название было добавлено слово — «без». И получалось — «Вопросы без истории».²

Дмитрий Сергеевич залиvisto смеялся, откидываясь назад, и бурно аплодировал. Точно так же он смеялся в театре Н. П. Акимова на премьере сатирической комедии «Опаснее врага», написанной двумя историками (автором этих строк и Л. Раковым). Сатирический персонаж — начальник отдела кадров научно-исследовательского института кефира Мальков явно выдавал свое «происхождение», когда на стук в дверь его кабинета отвечал — «Введите!.. Ой... Войдите». «Зачем нам история? — спрашивал Мальков на совещании. — История нужна только актуальная, за последний год. А то, что было раньше, — это уже не история!» — «А что же это, по-вашему?» — спрашивал его другой герой. — «Уход в прошлое. Древность», — отвечал Мальков. После чего он потребовал уволить историка Иззагардинера «как не подходящего по профилю».

Почему Дмитрий Сергеевич отдавал столько времени и сил поддержке исторической науки и ученых-историков? Только ли по доброте душевной, из желанья помочь ближнему? Нет, не только из этих побуждений, хотя черты характера Д. С. Лихачева именно таковы: его готовность помочь, поддержать, научить, поделиться опытом слишком хорошо известны. Я говорю — слишком, потому что эти его черты иногда очень уж широко, порой безжалостно (чтобы не сказать — бессовестно) эксплуатировались людьми, платившими ему потом черной неблагодарностью...

В основе постоянной активной связи Д. С. Лихачева с исторической наукой и с историками, в основе его постоянной озабоченности судьбами исторической науки лежит объективная причина, вполне очевидная для тех, кто знаком с его научной деятельностью.

И в самом деле. Если спросить — какова научная профессия академика Лихачева? — многие, наверное, ответят: литературовед, лингвист, текстолог, специализирующийся в области древнерусской литературы. Между тем такой ответ был бы, мягко говоря, не точен. Д. С. Лихачев не литературовед. В том смысле, что это не вмещает в себя то, чем он занимался и

² Нищий-журнал пел под баян песню на мотив «Разлука ты, разлука»:

Историки-братишки,
Не стало терпелу
Нет на меня подлиски,
По году в кносах лежу

А профиль наш похвальный —
Сомнений в этом нет,
Журнал стал актуальней
Сегодняшних газет

История, нам кажется,
Излишне велика
И греки в нси толкаюся,
И средние века

Зачем нам эти средние?
Какой от греков прок?
Мы пишем про последний,
Про нынешний денек

Молчим об утопистах,
Молчим про буйный Рим
О древних декабристах
Совсем не говорим

С историей разлука
Была нам не страшна
Наука ты, наука —
Чужая сторона

занимается. Он историк литературы, он историк языка. Он в каждом случае — историк текста. Более того, он в течение всей своей научной жизни ведет неустанную — порой очень нелегкую — борьбу за то, чтобы литературоведение стало именно историей литературы, лингвистика — историей языка, текстология — историей текстов. Это направление его научной деятельности уже давно заметила Варвара Павловна Адрианова-Перетц, сама являвшаяся замечательным исследователем древнерусской литературы. Лучше и авторитетнее, чем она, об этом не скажешь. «Все теоретические работы Д. С. Лихачева стремятся направить изучение своеобразной художественной системы литературы XI—XVII вв. на путь подлинного историзма <...> Ученый настойчиво напоминает своими теоретическими трудами, что лишь в историческом подходе к изучению художественного своеобразия древнерусской литературы лежит прочное основание для определения самой сущности литературного процесса...».³

В этой связи небезынтересно отметить, что само слово «история» постоянно встречается в названиях работ Д. С. Лихачева. Что же касается существования его сочинений, в названии большинства которых слова «история» нет, например «Русские летописи», они все, без исключения, историчны по своему содержанию. Начиная от самого первого его исследования — «Черты первобытного примитивизма воровской речи» (1935 г.) — и до только что вышедшей книги «Воспоминания».

Недавно мне случайно в библиотеке поселка Комарово попала в руки книга — «Справочник», посвященный памятным местам Петербурга. На ее титульном листе значилось: «Издана при поддержке академика Д. С. Лихачева». Невольно подумалось: если бы составить реестр, всего лишь перечень тех добрых и полезных дел для науки, для культуры, для многих и многих конкретных людей, которые совершались «при поддержке академика Дмитрия Сергеевича Лихачева», — получился бы целый том солидного объема.

Не могу не сказать здесь с искренней и глубокой благодарностью, что в течение всей своей научной и литературной жизни я постоянно пользовался помощью и поддержкой Дмитрия Сергеевича. Разумеется, я мог бы немало рассказать о моем многолетнем, с 1938 г., общении с Дмитрием Сергеевичем. Возможно, в этом рассказе оказалось бы много интересного. Полагаю, однако, что статьи, очерки, а порой и целые книги, посвященные тому или иному большому человеку, но при этом скроенные по принципу — «Я и Эйнштейн», «Я и Шостакович» или, соответственно, «Я и Лихачев», — далеко не лучший вариант биографического жанра. Я ограничусь лишь одним, самым свежим фактом из моих собственных встреч с Дмитрием Сергеевичем.

Ярким солнечным днем 7 августа 1995 г. на диком пляже (других теперь и не видно) поселка Комарово по песку возле берега Финского залива бегала шумная ватага детей. Они «при поддержке» академика Д. С. Лихачева запускали змея. Дмитрий Сергеевич учил их, как это надо делать. Делился опытом. Он запускал змея именно на этом берегу еще лет 80 тому назад. И с тех пор, поддерживая традицию, передает опыт детям, внукам и пра-внукам.

Ленинград—С.-Петербург—Комарово
1938—1995

³ Дмитрий Сергеевич Лихачев. С. 28.